

© 1998 г. ЭО, № 2

Ю.И. Семенов

ПРЕДМЕТ ЭТНОГРАФИИ (ЭТНОЛОГИИ) И ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩЕЕ ЕЕ НАУЧНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

О предмете этнографии написано много, однако полной ясности в этом вопросе до сих пор нет. И это во многом связано с тем, что этнографию чаще всего понимают как единую монолитную науку, в то время как она к настоящему времени разделилась на несколько в значительной степени самостоятельных научных дисциплин, каждая из которых имеет собственный предмет, далеко не совпадающий с предметами остальных. И в этом нет ничего необычного. Так обстоит дело и с другими науками.

Так, например, физика в настоящее время подразделяется на большое число тесно связанных, но во многом самостоятельных наук. Первой из них является механика (1), которая подразделяется на механику точечных систем и твердых тел (1.1) и механику сплошных сред (1.2). Далее следуют термодинамика (2), статистическая физика (3), физика электромагнитных явлений, или теория поля (4), подразделяющаяся на теорию электромагнитного поля (4.1) и теорию относительности и релятивистскую механику (4.2), квантовая физика (нерелятивистская) (5), включающая в себя квантовую механику (5.1) и квантовую физику систем многих частиц (5.2), релятивистская квантовая теория (6), в состав которой входят квантовая теория поля (6.1) и физика элементарных частиц (6.2), физическая химия (7), биофизика (8).

Когда обращаются к вопросу о том, что изучает та или иная наука, то нередко пытаются различить объект науки и ее предмет. Хотя иногда рассуждения об этом принимают схоластический характер, различение объекта и предмета науки тем не менее имеет под собой определенную основу. Объект науки – та или иная область реального мира. Предмет науки – та часть этой области, которая к настоящему времени уже выделена наукой, стала в главном, хотя и не в деталях, содержанием научного познания.

Каждая сфера реального мира многообразна. Она подразделяется на множество подобластей, имеет массу уровней, сторон. Поэтому каждая наука в процессе своего развития постепенно распадается на множество дисциплин, каждая из которых специализируется на изучении той или иной подобласти, того или иного уровня, той или иной стороны, т.е. имеет свой собственный предмет, отличный от предметов других родственных ей субнаук.

В этом отношении сложнее всего обстоит дело с общественными науками, объект которых подвержен изменению. Конечно, и объект физики не остается неизменным, но для эволюционных преобразований в нем требуются миллионы лет. Потому все изменения в предмете физики связаны исключительно лишь с развитием человеческого познания. Когда-то физика сводилась к одной лишь механике твердых тел и сплошных сред. И лишь в последующем достоянии научного познания стали и другие подобласти, уровни и стороны того, что у нас было принято именовать физической формой движения материи. Иначе обстоит дело с общественными науками. Изменение предмета той или иной такой науки может быть обусловлено не только прогрессом знания, но и изменениями, которые претерпевает ее объект. Возможно не только преобразование, но и полное исчезновение объекта той или иной общественной науки.

Хотя фактические данные, которые легли в основу этнографии, стали собираться и

накапливаться довольно давно, сама она как самостоятельная наука возникла в середине XIX в. Прежде всего объектом ее исследования стали те отдельные человеческие общества, или иначе социоисторические организмы (сокращенно – социоры), которые к моменту возникновения этой науки продолжали оставаться первобытными (собственно первобытными или переходными от первобытного общества к классовому, т.е. предклассовыми). Причем на первых порах этнография исследовала не столько сами эти общества как определенные целостности, сколько их культуру. Этнография всегда была и сейчас является единственной наукой о живых первобытных обществах. Но этим объектом она никогда не ограничивалась.

В любом классовом докапиталистическом обществе, исключая лишь античное, всегда существовали две связанные, но тем не менее разные культуры: культура верхов, элитарная, и культура низов, простонародная, прежде всего крестьянская. Последняя постепенно разрушается и исчезает лишь при капитализме, причем этот процесс нередко затягивается на долгое время. И этнография с самого начала стала заниматься исследованием не только первобытной культуры, но и простонародной, прежде всего крестьянской культуры классовых обществ.

Таким образом, с самого начала этнография изучала два объекта. И сразу же возникает вопрос о том, что было общего между двумя названными объектами, почему они стали предметом одной науки, а не двух самостоятельных наук.

В нашей стране этнографию обычно рассматривали как своеобразный раздел исторической науки (историологии). Однако между этнографией, какой она была при своем возникновении, и историологией существует значительное различие. Историология всегда изучает прошлое, т.е. то, чего сейчас уже нет. Этнография при своем возникновении изучала настоящее и только настоящее. С этим связан такой ее метод собирания фактов, как работа в поле, или полевое исследование.

Но изучаемое этнографией настоящее носило крайне своеобразный характер. Первобытность была настоящим для обществ, изучаемых этнографией, но прошлым для человечества в целом. Это было такое настоящее, которое одновременно являлось и прошлым. Это было такое прошлое, которое существовало в настоящем. К моменту, когда возникла этнография, крестьянская культура в Западной Европе также во многом стала уже архаикой. Это тоже было прошлое, существующее в настоящем. Именно с этим связано иногда встречающееся определение этнографии в единстве двух ее разделов как *науки о живой старине*. К середине XIX в., когда она оформилась как особая область знания, живой стариной для европейских ученых в одинаковой степени был как первобытный, так и крестьянский миры.

Но за этой внешней общностью скрывалась другая, более глубокая. На протяжении почти всей истории первобытности существовала одна единая культура всего общества в целом. На последнем этапе его бытия, когда стали зарождаться классовые отношения, началось раздвоение ранее единой культуры на две культуры: культуру верхов общества и культуру его низов. Это раздвоение окончательно завершилось с возникновением классового, или цивилизованного, общества. Как известно, признаками перехода к цивилизации считаются: в области материальной культуры – появление монументальных каменных или кирпичных строений (дворцов, храмов и т.п.), в области духовной культуры – возникновение письменности. И монументальное зодчество и письменность представляют собой яркое проявление культуры верхов, или элитарной культуры.

Элитарная культура есть новообразование, хотя, конечно, и связанное с ранее единой культурой первобытности. Что же касается культуры низов, простонародной, прежде всего крестьянской, то она представляет собой прямое продолжение единой культуры первобытности. Она возникла в результате трансформации этой культуры и обладает многими чертами, роднящими ее с последней. В частности простонародная культура, как и первобытная, является бесписьменной и анонимной. Именно внутреннее родство первобытной и простонародной, прежде всего крестьянской, культур было одним из оснований того, что они стали объектом исследования одной науки.

Но и это еще далеко не все. Культура никогда не является чем-то самостоятельно существующим. Она не есть субстанция, она – акциденция. Культура всегда есть продукт общества. Всегда существовало и сейчас существует множество конкретных отдельных обществ – социоисторических организмов. С этим связано бытие множества различных культур (локальных культур). На протяжении большей части истории первобытности социоисторическими организмами были общины, которые принято именовать первобытными. Многообщинные социоисторические организмы стали возникать лишь в эпоху предклассового общества. Именно первобытные общины были основными создателями и носителями единой первобытной культуры.

Элитарная культура была порождением возникших с переходом к цивилизации относительно крупных классовых социоисторических организмов. Но внутри большинства докапиталистических классовых социоров всегда существовали очень своеобразные образования, которые именуются крестьянскими общинами или просто общинами. Существующие в недрах крупных классовых социоисторических организмов крестьянские общины не являются простыми их подразделениями. В их основе лежат иные социально-экономические отношения, чем те, что образуют базис классового социоисторического организма, в состав которого они входят. Поэтому крестьянские общины обладают некоторыми особенностями социоисторических организмов, выступают в ряде отношений как подлинные социоры. И, как следствие, они имеют свою особую культуру, отличную от культуры классового социоисторического организма, в недрах которого они существуют. Если классовый социоисторический организм был творцом и носителем элитарной культуры, то крестьянские общины являлись творцами и носителями крестьянской культуры. В целом ряде отношений крестьянские общины были сходны с первобытными, от которых произошли. Это одновременно объясняет как сходство крестьянской культуры с первобытной, так и то обстоятельство, что первобытный и крестьянский миры являются объектами исследования одной науки – этнографии.

Сходство между первобытными и крестьянскими общинами столь велико, что известный американский исследователь Р. Редфилд объединил их под названием *folk society*, что по-русски ближе всего можно передать словосочетанием «простонародное общество». Соответственно первобытную и крестьянскую культуры вместе взятые он стал именовать *folk culture*, т.е. простонародной культурой¹.

Но в то же время между первобытной общиной и ее культурой, с одной стороны, и крестьянской общиной и ее культурой, с другой, существует и качественное различие. Оно прежде всего состоит в том, что первобытная община является вполне самостоятельным социоисторическим организмом, в то время как крестьянская община представляет собой социальный суборганизм, всегда существующий в составе более крупного организма, который имеет свою культуру, не совпадающую с культурой крестьянской общины, но существенно влияющей на последнюю.

Соответственно этнография с самого своего возникновения более или менее четко подразделялась на две дисциплины, одна из которых исследовала первобытные общества, а другая – мир традиционного крестьянства. Но так обстоит дело, когда мы берем этнографию в целом. Когда же мы обращаемся к отдельным странам, то вырисовывается более сложная картина.

Великобритания к моменту возникновения этнографии была крупнейшей колониальной державой, под властью которой находилось множество территорий, на которых обитали первобытные общества. Что же касается крестьянства, то в Великобритании к этому времени оно уже исчезло. В результате этнография в этой стране зародилась как наука, исследующая лишь первобытные общества. Всем, что еще сохранялось от крестьянского мира Англии, почти безраздельно занималась фольклористика. Однако английские исследователи довольно рано начали изучать и крестьянство тех классовых обществ Востока, которые оказались под британским владычеством, прежде всего Индии (Г. Мейн, Б. Баден-Пауэлл). Но эти исследования чаще всего не рассматривались как относящиеся к этнографии, тем более, что

их объектом была не столько крестьянская культура, сколько крестьянская община.

В США традиционное крестьянство никогда не существовало, но зато отчасти рядом с американским обществом, отчасти в его недрах существовало множество индейских обществ, часть которых были первобытными. Поэтому этнография здесь возникла как наука почти исключительно лишь о живых первобытных обществах.

В Германии, где крестьянство в отличие от Англии продолжало существовать, этнография зародилась прежде всего как наука о простонародной культуре. И только потом стала возникать наука о живой первобытности, которая получила развитие с превращением Германии в колониальную державу, что произошло довольно поздно. Для большинства немецких ученых крестьянский мир и мир первобытности выступали как совершенно не соприкасающиеся друг с другом объекты: один существовал в Западной Европе, точнее даже в Германии, другой – далеко за пределами этого региона. Поэтому в Германии этнография первобытности и этнография крестьянства всегда рассматривались как две во многом совершенно самостоятельные науки. Соответственно они и назывались по-разному: первая – *Völkerkunde*, вторая – *Volkskunde*. Общее названия для них в немецком языке так и не возникло.

В силу особенностей развития России, в которой крестьянский и первобытный миры не просто сосуществовали, но взаимодействовали и даже взаимно проникали друг в друга, в результате чего грань между ними носила нередко весьма относительный характер, в русском научном языке, наоборот, существовало общее название для данной науки в целом – этнография или этнология, но не было особых терминов для обозначения двух составляющих ее дисциплин.

Этнография, как и любая наука, начала со сбора и накопления фактического материала. На смену случайным и эпизодическим наблюдениям пришла целенаправленная полевая работа. Возникновение этнологии выразилось прежде всего в появлении *полевой этнографии*. Это почти сразу же дало весьма впечатляющие результаты, довольно быстро был собран гигантский материал.

На первых порах этнография исследовала не столько общественные отношения, сколько культуру. Но довольно долгое время в науке культура понималась не как что-то самостоятельное, а как характеристика чего-то отличного от самой культуры. Ведь и сейчас говорят не только о культуре вообще, но и о культуре поведения, мышления и т.п. Естественным поэтому было для этнографов выдвинуть на первый план понятие *народа* как совокупности людей, которых объединяет наличие общей культуры и языка.

Применительно к первобытности, этнографы называли объекты своего исследования народами или племенами, применительно к цивилизованным обществам – народами, что и дало им основание назвать свою науку этнографией или этнологией (от греч. этнос – народ). В действительности все обстояло сложнее. Дело в том, что одно и то же слово «народ» в применении к первобытному обществу обозначало совершенно иное, чем в применении к классовому обществу.

В применении к классовому обществу слово «народ» имеет три основных значения: 1) низы общества, 2) все население того или иного социальноисторического организма (например, индийский народ, советский народ, народ Пакистана и т.п.) и 3) совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке и осознают как свою общность, так и отличие от членов таких же человеческих групп (например, русские, французы, поляки и т.п.). В дальнейшем для выражения именно последнего смысла слова «народ» стали использоваться термины «этнос» и «этническая общность». Этноссы были не частями классовых социальноисторических организмов, а подразделениями их населения².

В первобытном обществе этносов не было. То, что этнографы применительно к первобытному обществу называли народами, в реальности были вовсе не этническими общностями, а конгломератами первобытных социальноисторических организмов. И термин «племя» чаще всего также обозначал такой же конгломерат, реже –

многообщинный социоисторический организм³. Поэтому, когда этнографы обращались к первобытности, то хотя и говорили в основном об изучении культуры, но в действительности они всегда исследовали и общественные порядки, т.е. давали больше, чем обещали. В применении же к цивилизованному обществу они давали меньше, чем декларировали: изучали не культуру народа (этносо) взятую в целом, а лишь традиционную культуру народных низов, т.е. практически культуру народа не в третьем, а в первом смысле этого слова.

Гигантский материал, накопленный этнографами, имеет огромную научную ценность, не зависящую от его интерпретации. Совокупность этих фактических данных можно было бы назвать *эмпирической этнографией* (*эмпириоэтнографией*). Она подразделяется на *первобытную эмпирическую этнографию* и *простонародную, прежде всего крестьянскую, эмпирическую этнографию*.

Но ограничиться только сбором и накоплением фактического материала этнография, как и любая другая наука, не могла. Необходимостью стала систематизация всего накопленного материала, а затем и его теоретическое осмысление. Вслед за трудами, содержащими детальное описание отдельных «народов», появились сводные работы, в которых описывались все известные «народы» мира. Описание их давалось по географическому принципу: народы Западной Европы, Юго-Восточной Азии, Южной Америки и т.п.

Все это сближало этнографию с географией и даже давало основание рассматривать первую как своеобразный раздел второй. Существует география физическая, экономическая, политическая. Почему не может существовать география народов, этническая. Так возникла своеобразная форма систематизации этнографических знаний, которая может быть названа *географической этнографией* (*геоэтнографией*), или *этнической географией* (*этногеографией*). Для геоэтнографии различие между первобытным и крестьянским мирами было не существенным. Появление геоэтнографии было результатом систематизации добытого материала, но не теоретического его осмысления. Геоэтнография была всего лишь систематизированной эмпирией, теорию она в себя не включала.

Но логика развития любой науки неизбежно на определенном этапе делает неизбежным поиски теории. И первые шаги в этом направлении были сделаны в области первобытной этнографии. В своем стремлении перейти от эмпирии к теории часть этнографов, занимавшихся первобытностью, обратилась к укоренившемуся в этнографии понятию культуры. Но в центре их внимания оказалась не культура отдельных «народов» и даже не локальные культуры взятые сами по себе, а культура вообще, точнее, первобытная культура вообще. Введение понятия первобытной культуры вообще позволило внести в первобытную этнографию идею развития, эволюции. Так возникла эволюционистская теория первобытной культуры, которая получила свое наиболее яркое выражение в знаменитом труде Э. Тайлора «Первобытная культура» (1871). В нем была предпринята смелая попытка нарисовать на основе осмысления накопленного эмпирического материала картину развития религии, причем не какого-либо конкретного народа, а первобытной религии вообще.

Почти одновременно другая часть этнографов, тоже из числа изучавших первобытное общество, сумела продвинуться гораздо глубже. Они поняли, что за первобытной культурой стоит первобытное общество, что в основе развития первобытной культуры лежит эволюция первобытного общества. Иначе говоря они открыли истинный объект первобытной этнографии, показали, что им является не первобытная культура сама по себе, а прежде всего первобытное общество. Их построения тоже носили эволюционистский характер. Наиболее ярко это направление было представлено трудом Л.Г. Моргана «Древнее общество» (1877). В нем была изложена первая целостная теория первобытности и тем самым заложена основа нового раздела исторической науки – истории первобытного общества.

В конце XIX в. большинство этнографов начало отказываться от эволюционистских идей, что во многом обернулось возвращением от теории снова к эмпирии.

Но геоэтнографическая систематизация материалов, добытых этнографией, многих из них явно не удовлетворяла. Были предприняты попытки новой систематизации эмпирических данных.

Часть этнографов продолжала исходить из понятия культуры. Но от понятия культуры вообще они перешли к понятию конкретных, локальных культур. Появились понятия «культурного круга», «культурного центра», «культурного ареала» и т.п. (Л. Фробениус, Ф. Гребнер, В. Шмидт, Ф. Боас и др.). Но ни одна из появившихся школ не пошла дальше простой систематизации явлений. Ничего даже отдаленно похожего на теорию ни одной из них создать не удалось. Исходя из того, что объектом их исследования являются не народы, а культуры, представители этого направления отказались от термина «этнография» и объявили о создании новой науки, которую они называли культурной антропологией (*cultural anthropology*).

Другая часть этнографов и после отказа от эволюционизма продолжала считать центральным понятие общество. Им удалось добиться определенных результатов, но подлинной теории не удалось создать и им. Наивысшим их достижением было создание структурно-функционального анализа (Б. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун). Значительно большего добились представители возродившегося в 40–50-х годах XX в. эволюционизма (Л. Уайт, Д. Стьюарт, Э. Сёрвис, М. Фрид, М. Салинз, М. Харрис). Ими было создано несколько новых концепций развития первобытного общества, представляющих определенную ценность.

В целом в результате совместных усилий всех этнографов, считавших объектом своих исследований общество, включая как эволюционистов, так и противников исторического подхода к первобытности, окончательно оформилась особая научная дисциплина. Так как она ставила своей целью исследования прежде всего обществ, а не народов, как это делала геоэтнография, ее представители отказались от термина «этнография» и даже «этнология», и присвоили ей название социальной антропологии (*social anthropology*). Главную роль в создании этой науки сыграли этнографы Великобритании и США, в которых, как уже указывалось, не было крестьянства. Скольконибудь четкого определения предмета этой дисциплины в англоязычной литературе никогда не давалось, но практически долгое время под социальной антропологией понимали науку о живых первобытных обществах³.

Подводя в 40-е годы XX в. итоги столетнего развития этнографии, А.Р. Рэдклифф-Браун писал о существовании в ее пределах трех разных наук: 1) этнологии или этнографии, которая занималась и занимается "историческим и географическим исследованием" народов; 2) культурной антропологии; 3) социальной антропологии. При этом он тут же отмечал, что, по его мнению, культуры как совершенно самостоятельного явления не существует, что она является производной от общества и поэтому должна изучаться не как нечто независимое от последнего, а как его составляющая⁴. К настоящему времени можно сказать, что культурная антропология как особая дисциплина, отличная от социальной антропологии, не состоялась. Все, что было в ней позитивного, вошло в состав социальной антропологии, которая в силу этого нередко сейчас именуется на Западе социальной и культурной антропологией (*social and cultural anthropology*).

Таким образом, бесспорным является, что в рамках науки, которая при своем возникновении называлась этнографией или этнологией существуют, кроме эмпирической этнографии, по крайней мере, две самостоятельные научные дисциплины, которые совершенно по-разному систематизируют материал эмпирической этнографии. Одну из них я назвал геоэтнографией. С наименованием второй дело обстоит сложнее. У нас ее сейчас дружно, следуя западной литературе, начали называть социальной антропологией, культурной антропологией или, наконец, социальной и культурной антропологией. На мой взгляд, этого делать нельзя.

И нельзя не только в силу сложившейся в отечественной науке традиции использовать термин «антропология» исключительно для обозначения физической антропологии, хотя пренебрегать ею тоже не следует. Главное в том, что термин

«социальная антропология» не выражает суть этой науки. Она изучает не человека, а общество, причем не всякое, а только живое первобытное. Поэтому в идеале ее следовало бы называть первобытной социологией. Но термин «социология» давно уже имеет в науке утвердившееся значение, даже два значения, ни одно из которых не имеет отношения к первобытности. И с этим нужно считаться. С учетом, с одной стороны, реального объекта этой науки, с другой, сложившейся в нашей науке традиции, этой научной дисциплине можно было бы присвоить наименование *социальной этнологии первобытности, первобытной социальной этнологии или просто первобытной этнологии*, сокращенно, *примозтнологии* (от лат. *primitivus, primordial* – первый, самый ранний, первобытный).

Бурное развитие примозтнологических (социоантропологических) исследований в 20–80-х годах XX в. привело к образованию в рамках этой научной дисциплины нескольких субдисциплин. Одна из них специализируется на исследовании социально-экономических отношений первобытного (собственно первобытного и предклассового) общества. Начало ее было положено трудом Б. Малиновского «Аргонавты Западного Тихого океана» (1922)⁵. На Западе она называется экономической антропологией (*economic anthropology*). Следуя традициям нашей науки, ее нужно называть – *экономической этнологией* или, точнее, *экономической примозтнологией*⁶.

Другая субдисциплина исследует организацию власти в первобытном обществе. На Западе ее называют политической антропологией (*political anthropology*), у нас – *потестарной этнологией*. Более точное название – *потестарная примозтнология*. Начало этой области этнологического знания обычно связывают с появлением знаменитого сборника «Африканские политические системы» (1940)⁷.

Третья субдисциплина изучает нормы поведения, действующие в первобытном обществе. На Западе ее называют антропологией права (*anthropology of law*) или правовой антропологией (*legal anthropology*). В российской этнологии, в которой она была выделена как особая область знания еще в XIX в., ей было присвоено наименование юридической этнографии. О размахе работы в этой области в России говорит хотя бы тот факт, что в составленном Е.И. Якушкиным библиографическом справочнике «Обычное право русских инородцев» (М., 1899), было проаннотировано 1197 работ, опубликованных в период до 1890 г. И русские ученые не ограничивались лишь описательными работами. В 1886 г. появилась работа М.М. Ковалевского «Первобытное право» (Вып. 1–2. СПб.). Учитывая, что объектом названной выше дисциплины являются не только нормы обычного права, но и морали, ее лучше всего называть *нормативной примозтнологией*.

Существуют разделы социальной этнологии, изучающие системы родства и родственные организации, конфликты и войны (*anthropology of war*), духовный мир и другие сферы жизни первобытного общества. Термин «культурная антропология» сейчас на Западе нередко употребляется для обозначения раздела социальной антропологии, занимающегося исследованием общественного сознания первобытного общества.

Как уже отмечалось, западная этнография занималась не только первобытностью, но и крестьянством, причем первоначально почти исключительно лишь западноевропейским. По отношению к нему взгляд на крестьянский мир как на архаику был в значительной степени оправдан. Единственно, что можно было изучать у западноевропейского крестьянства, где оно еще сохранялось, это его традиционная культура или, что чаще, более или менее сохранившиеся ее пережитки. Но и в этой области этнографы не ограничивались лишь описаниями. Ими были сделаны интересные теоретические выводы. Достаточно указать хотя бы на работу Г. Науманна «Основы немецкого народоведения» (1922), в которой была детально рассмотрена проблема отношения между простонародной и элитарной культурами⁸.

Но уже к русскому крестьянству охарактеризованный выше взгляд был во многом не применим. В жизни русских крестьян XIX в. архаики несомненно было много, но само русское крестьянство в целом не было пережиточным, архаичным явлением. Оно

составляло около 80% населения России. Большинство русских крестьян жило в составе крестьянских общин, которые во многом продолжали оставаться социальными суборганизмами, «мирами», что способствовало сохранению крестьянской культуры. И если вначале российские этнографы в основном изучали традиционную крестьянскую культуру, то затем в центре их внимания оказалась община и иные крестьянские институты.

Как уже указывалось, британские ученые довольно рано начали заниматься крестьянством Востока, составлявшим основную массу населения всех этих стран. В последующем к ним присоединились и другие западные исследователи. В поле зрения западных этнографов, прежде всего ученых США, оказалось также и многочисленное крестьянство Латинской Америки. В результате, если западноевропейские этнографы XIX в. изучали в основном крестьянскую культуру, то в XX в. в центре их внимания оказалось крестьянское общество, точнее крестьянская община и различные крестьянские институты.

Подобно тому, как с перемещением центра внимания с культуры на общество на базе первобытной эмпирической этнографии возникла первобытная примоетнология, с переходом от изучения крестьянской культуры к исследованию крестьянской общины в рамках этнографии оформилась еще одна самостоятельная научная дисциплина, которую можно назвать *социальной этнологией крестьянства, крестьянской, или простонародной, демотической* (от греч. демос – простой народ в отличие от аристократии) *социальной этнологией*, сокращенно – *демоэтнологией*. На Западе теоретические проблемы этой науки разрабатывались Р. Редфилдом, Дж. Фостером, Э. Вулфом⁹.

Внеевропейским крестьянством стали заниматься не только этнографы, но и востоковеды, экономисты, политологи и др., причем все, кроме первых, нередко рассматривали свои исследования как не имеющие никакого отношения к этнографии, которую они чаще всего сводили к геоэтнографии и примоетнологии. Появился даже особый термин «крестьянские исследования» (peasant studies), а вслед за ними еще один – «крестьяноведение». В результате, например, А.В. Гордон – автор содержательной работы «Крестьянство Востока: Исторический субъект, культурная традиция, социальная общность» (М., 1989) считает ее крестьяноведческой, а вовсе не этнографической. И даже люди, считавшие себя этнографами (социальными антропологами) при изучении восточной деревни почти совсем не обращались к трудам исследователей традиционного крестьянства Европы. В результате они нередко заново открывали для себя то, что давно было установлено на западноевропейском материале. В частности, совершенно заново началась разработка проблемы отношения между «низшей» и «высшей» традициями, т.е. между крестьянской и элитарной культурами¹⁰.

По мере развития крестьянской социоэтнологии в ней начали выделяться субдисциплины. Одной из важнейших стала та, которая занималась исследованием крестьянской экономики. Ее, как и соответствующую субдисциплину первобытной социоэтнологии, именуют экономической антропологией. С момента оформления этой субдисциплины западная экономическая антропология начала рассматриваться как состоящая из двух разделов: примитивной экономики (primitive economy) и крестьянской экономики (peasant economy). Я буду называть эти две дисциплины соответственно *экономической примоетнологией* и *экономической демоэтнологией*.

Другая важная субдисциплина специализировалась на исследовании норм поведения, существовавших в крестьянской общине. Ее, как и соответствующую субдисциплину первобытной социоэтнологии, на западе называют правовой антропологией. Российскими этнографами она была выделена еще в XIX в. и называлась ими также как и субдисциплина, исследующей нормы, действовавшими в первобытном обществе, юридической этнографией. Я буду ее называть *нормативной демоэтнологией*. В особую дисциплину выделилось исследование духовной жизни крестьянского мира и т.п.

Хотя примоетнология и демоэтнология окончательно оформились как две разные научные дисциплины, между ними не только сохранилась, но даже укрепилась теснейшая связь. Это выразилось в появлении наряду со всегда существовавшим делением этнологии по объекту исследования (первобытность – крестьянство), которое можно назвать вертикальным, другого ее подразделения – теперь уже по социальным сферам – экономика, организация власти, нормы поведения, духовный мир и т.п., которое можно назвать горизонтальным. Горизонтальное членение социальной этнологии – это ее подразделение на экономическую этнологию, потестарную этнологию, нормативную этнологию и т.п., каждая из которых состоит из двух разделов – первобытного и крестьянского (экономическая примоетнология и экономическая демоэтнология, нормативная примоетнология и нормативная демоэтнология и т.п.).

Последние десятилетия XX в. были ознаменованы обвальным исчезновением первобытных обществ. Они, конечно, разрушались и раньше, но процесс этот, как правило, шел довольно медленно, и кроме того, исчезновение одних первобытных социоисторических организмов в какой-то степени компенсировался для этнологов находками новых живых первобытных обществ. Так, например, в начале 30-х годов XX в. перед европейцами впервые открылся мир папуасов гор Новой Гвинеи, в котором жило около 1 млн. человек.

К настоящему времени подавляющее большинство первобытных социоисторических организмов уже исчезло. В ближайшем будущем исчезнут все остальные. И это не может сказаться на судьбе первобытной социоэтнологии. Она с неизбежностью перестанет быть тем, чем была, – наукой о живой первобытности. В этом смысле этнографии первобытности придет конец. У нее исчезнет ее объект. И тем не менее она сохранится, но уже в новом качестве. Из науки о настоящем, которое одновременно является прошлым, она, как и историология, станет наукой только о прошлом. Из науки о живой старине она превратится в науку о мертвой, исчезнувшей старине.

Наукой об исчезнувшей старине давно уже является один из разделов этнологии, который известен под названием исторической этнографии, или палеоэтнографии. Точнее всего эту дисциплину можно охарактеризовать как *историческую примоетнологию*. Этнографы давно уже занимались не только изучением живых первобытных социоисторических организмов, но и восстановлением социальных порядков тех конкретных первобытных обществ, которые к моменту возникновения этнографии уже исчезли. Здесь полевые исследования были невозможны, и этнографы обращались к источникам, т.е. действовали так, как всегда работали историки.

В качестве источников привлекались прежде всего письменные свидетельства прошлых лет и веков: данные древних и средневековых авторов, описания путешествий, записки миссионеров, купцов, офицеров и других наблюдателей, юридические документы, фольклорные записи и т.п. Кроме них использовались также лингвистические, ономастические и археологические материалы. По существу к исторической этнографии должны быть отнесены реконструкция прошлых общественных отношений и прошлой культуры по воспоминаниям старейших информаторов из числа туземцев, а также по преданиям аборигенов.

Историческая этнография (историческая примоетнология) восстанавливала не только исчезнувшие первобытные социоисторические организмы, но минувшие этапы развития продолжавших существовать обществ. В результате возникала возможность сравнить одни и те же первобытные и предклассовые общества на разных отрезках времени и проследить эволюцию их культуры и социальных отношений. Так этнография от исследования статики конкретных первобытных обществ перешла к изучению динамики их развития.

Восстановление прошлых этапов развития тех или иных конкретных первобытных и предклассовых обществ по письменным документам, созданными цивилизованными людьми, соприкасавшимися с этими социоисторическими организмами, в англоязычной этнологической литературе носит названия этноистории. В США выходит журнал под таким названием («Ethnohistory»).

К настоящему времени уже исчезли многие из первобытных обществ, которые в свое время были описаны этнографами. И хотя по традиции современные труды, посвященные этим обществам, относят к собственно этнографии, по существу они уже принадлежат к своеобразному разделу исторической примоетнологии, который можно назвать *неоисторической (новоисторической) примоетнологией*. С полным исчезновением живых первобытных обществ вся примоетнология обречена на такую участь.

Сходная судьба ожидает и крестьянскую социоетнологию. Традиционное крестьянство тоже исчезает, хотя (по крайней мере за пределами Европы) не столь быстро, как первобытные общества. Под исторической этнографией этнологи, как правило, понимали лишь реконструкцию исчезнувших конкретных первобытных обществ. Но со временем нечто похожее возникло и в области изучения крестьянства. Все чаще появляются труды, посвященные древневосточному и античному крестьянству. Уникальной является работа Л.Б. Алаева «Сельская община в Северной Индии» (М., 1981), в которой прослежена история индийской общины в период с VI в. до н.э. по XIX в. н.э. Однако эти труды почти никогда не характеризуются как относящиеся к исторической этнографии. Их рассматривают как чисто исторические работы.

Одно из направлений современной исторической науки – школа «Анналов» во Франции – в качестве своей важнейшей задачи выдвинула изучение того, что было названо «ментальностями». И хотя адепты этого направления претендуют на принципиальную новизну, в действительности этот объект их исследования давно уже был известен в марксистской (и не только в марксистской) традиции под названием общественной (социальной) психологии, психологии масс и т.п.¹¹ Ученых школы «Анналов» интересовала прежде всего общественная психология («ментальности») низов средневекового общества, главным образом крестьянства.

От изучения простонародных «ментальностей» эти историки в дальнейшем перешли к реконструкции простонародной, прежде всего крестьянской жизни средневековья вообще. Эта область исследования характеризуется представителями школы «Анналов» не просто как раздел исторической науки, а как особая научная дисциплина – историческая антропология. И это не случайно. По существу речь в данном случае идет об *исторической крестьянской (шире – простонародной) этнологии*, короче, *исторической демоэтнологии*. И естественно, что в качестве одной из важнейших проблем перед учеными школы «Анналов» встал вопрос об отношении между «народной» и «ученой», «фольклорной» и «официальной», «устной» и «письменной» культурами¹².

Возвращаясь к собственно демоэтнологии – науке о живом традиционном крестьянстве, необходимо отметить, что она, так же как примоетнология, обречена превратиться, если не сейчас, то в ближайшем будущем, в науку только о прошлом – *неоисторическую демоэтнологию*.

Но все это отнюдь не означает, что скоро вся этнография станет наукой исключительно лишь о прошлом. Как уже отмечалось, с самого момента возникновения этнографии в ее понятийном аппарате находился термин «народ». Вокруг этого понятия группировался материал как первобытной, так и крестьянской эмпирической этнографии. Термин «народ» был сознательно положен в основу геоэтнографии. Но долгое время он теоретически почти совсем не разрабатывался. В течение длительного периода этнографам было совершенно не ясно, что народы в привычном смысле слова, т.е. как определенные совокупности людей, а не социоисторических организмов, существуют только в классовом обществе. И применительно к классовому обществу исследовались и описывались не столько сами народы, сколько их культуры, причем последние сводились к культурам социальных низов.

В процессе дальнейшего развития все в большей степени становилось ясным, что необходима разработка понятия народа вообще. Когда она началась, стало очевидным, что слово «народ» многозначно. В конце концов из всех его смыслов этнографами было особо выделен один и для его передачи были созданы специальные

термины – «этнос» и «этническая общность». Одновременно началось изучение процессов изменения этнической принадлежности людей, возникновения, слияния и разделения этносов, вхождения одних этносов в состав других, которые получили наименования этнических процессов. Так в пределах этнографии стала возникать теория этносов и этнических процессов. Этот раздел этнографии можно было бы назвать *этнической этнологией*, или, сокращенно, *этноэтнологией*.

Одним из основоположников этноэтнологии был С.М. Широкогоров¹³. Важную роль в разработке теории этносов и этнических процессов сыграли труды П.И. Кушнера, Н.Н. Чебоксарова, В.И. Козлова, Ю.В. Бромляя. Этноэтнология при своем возникновении была тесно связана с эмпирической этнографией крестьянства и геоэтнографией, которые доставляли для нее материал. Если примоетнология и демоэтнология обречены в ближайшем будущем стать науками о прошлом, то этноэтнология и геоэтнография еще долгое время будут науками о настоящем.

В процессе дальнейшего развития этноэтнологии выяснилось, что для понимания этносов и этнических процессов совершенно недостаточно изучения традиционной простонародной культуры, которая к тому же постепенно исчезала, что кроме привычных для эмпирической этнографии понятий и методов нужны и иные понятия и методы, которые позволили бы понять процессы, протекающие уже в качественно ином, индустриальном обществе. Такими были понятия и методы, которые были разработаны наукой, которую у нас было принято именовать эмпирической социологией. В результате в рамках этнографии возникла научная дисциплина, которая получила наименование *этнической социологии*, или сокращенно – *этносоциологии*. Это прикладная дисциплина, тесно связанная с этноэтнологией и геоэтнографией.

Этнические общности в современном обществе могут стать и становятся определенными политическими силами, принимающими участие в общественной жизни в целом и особенно в политической борьбе. Так как эта борьба происходит в пределах того или иного государства, то государственная власть с неизбежностью должна вырабатывать и проводить определенную политику по отношению к этим общественным силам и оформлять ее в определенных правовых актах. В результате в пределах этнографии сформировалась новая научная дисциплина, которая получила название *этнической политологии*, или *этнополитологии*. Это – тоже прикладная дисциплина, теснейшим образом связанная с этноэтнологией, этносоциологией и геоэтнографией.

На Западе с начала XX в. главной из этнографических наук была примоетнология. Именно ее прежде всего имели в виду, когда говорили о социальной, или социальной и культурной антропологии. Ее предмет обычно четко не определяли, но практически всегда имелось в виду, что она изучает живые примитивные (т.е. первобытные) общества. Обвальное исчезновение этих обществ в конце века стало лишать социальных антропологов их прежнего объекта. Большинство из них не захотело превратиться в исследователей прошлого. Им хотелось по-прежнему заниматься настоящим, тем более, что это лучше оплачивалось. Начались лихорадочные поиски новых живых объектов исследования.

Исчезновение первобытных социоисторических организмов отнюдь не означало гибели составлявших их людей. Эти люди в большинстве случаев просто входили в состав населения более крупного, но уже, конечно, не первобытного, а цивилизованного социоисторического организма. И в составе населения этого общества они продолжали существовать в виде особых групп, имеющих свои культуры и языки, т.е. своеобразных этнических общностей, которые были одновременно и маргинальными. И социальные антропологи стали заниматься изучением этих этнических групп, их взаимных отношений, их отношения к остальному населению социоисторического организма, изменений, которые происходили в этих группах и с этими группами и т.п. Тем самым они ощупью подошли к теории этноса и этнических процессов. Появились понятия этничности, этнической идентификации и т.п. От первобытной примоетнологии социальные антропологи начали переходить к этноэтнологии.

Но это показалось им мало. И социальные антропологи стали заниматься самыми различными экзотическими группировками населения, включая гомосексуалистов и лесбиянок. В конце концов в сфере их внимания по существу оказалось многое из того, чем занималась и занимается эмпирическая социология. Они всемерно начали использовать и методы этой науки. В результате в течение последние десятилетия западная социальная антропология фактически распалась на две различные дисциплины. Одна из них по-прежнему занимается исследованием еще сохраняющейся первобытности, а также теорией первобытного общества вообще.

Определить сколько-нибудь четко предмет второй дисциплины не представляется возможным. Последователи ее, исходя из буквального значения слова «антропология», претендуют на изучение чуть ли не всех, если не всех сторон жизни человека как в прошлом, так и в настоящем. В результате они активно вторгаются в ту область, которой давно уже занимается социология, и полностью подменяют собой всех тех, кто именуется культурологами. И это направление, которое можно назвать западной социальной неоантропологией, начинает во всей большей степени преобладать. С этим связана известная деградация, которая характерна сейчас для многих западных социоантропологических периодических изданий.

Выражением кризиса, который переживает западная социальная антропология, является широкое распространение в ней идеи постмодернизма. Сущность постмодернистского подхода заключается в отрицании объективности фактов и объективной истины, а тем самым и собственно науки. Радикальные приверженцы постмодернизма в этнографии растворяют социальную реальность в сознании исследователя, превращают ее в продукт его собственного творчества. По их мнению, предметом культурной и социальной антропологии должны быть не чужое общество и чужая культура, а субъективный опыт этнографа, его переживания при сокрикосновении с таким обществом и с такой культурой. Задача культурантрополога заключается не в приобретении и донесении до читателей информации о том или ином обществе и его культуре, а в осуществлении эмоционального, экспрессивного, эстетического и нравственного воздействия на аудиторию. Значение культурантропологических текстов состоит вовсе не в том, что в них описываются какие-то реально существующие явления, а в том, что сами они представляют собой культурные события, имеющие собственную непреходящую ценность. Этнография есть один из жанров литературного творчества, а работы этнографов должны представлять собой своеобразные произведения искусства. В наиболее яркой форме все эти идеи получили свое выражение в сборнике статей постмодернистских антропологов, носящем крайне выразительный заголовок «Сочиняя культуру: Поэтика и политика этнографии» (1986)¹⁴.

Именно западная социальная неоантропология (не обязательно в постмодернистском варианте) стала сейчас объектом поклонения многих наших соотечественников, считающих себя учеными, но в действительности далеких от всякой подлинной науки, прежде всего этнологии. Ее усиленно рекламируют и противопоставляют этнологии, внедряют в высшие учебные заведения. О претензиях наших новоявленных культурсоциалантропологов достаточно красноречиво свидетельствуют первые появившиеся учебные пособия. В книге «Культуральная антропология» (СПб., 1996) эта дисциплина определяется как «комплексная наука о человеке и культуре»¹⁵. Расшифровывая это определение, авторы предисловия пишут, что «спектр интересов антропологии... охватывает теперь не только изучение физических и социальных условий существования человека, но и весь многообразный контекст его жизнетворческой деятельности в рамках разнообразных социокультурных систем»¹⁶. Это свидетельствует о том, что они не имеют никаких сколько-нибудь ясных представлений о реальной истории науки, носящей на Западе название социальной и культурной этнологии, и о ее месте в системе человеческого знания.

В заключение несколько слов об истории и современном состоянии этнографической (этнологической) науки в СССР и постсоветской России.

Прежде всего бросается в глаза почти безраздельное господство геоэтнографии. Во всех учебниках по этнографии, вышедших после 1929 г., излагается в основном одна лишь геоэтнография. Таков курс лекций по этнографии В.Н. Харузиной, изданный в 1909, затем в 1914 г. и переизданный в 1941 г. под названием «Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара». В учебниках, подготовленных кафедрой этнографии (ныне – этнологии) исторического факультета МГУ: «Основы этнографии» (М., 1968), «Этнография» (М., 1982), «Этнология» (М., 1994), дается по существу одна лишь геоэтнография. Лишь в вводных главах кратко излагаются основные понятия этноэтнологии. Об остальных разделах науки практически не говорится ничего.

Все это не случайно. Положение с учебными пособиями по этнографии отражает реальное состояние дел в нашей этнологической науке. Начиная с середины 30-х годов у нас был взят курс в основном лишь на геоэтнографию. Остальным разделам этнологической науки начало уделяться все меньше и меньше внимания. Это нашло, в частности, выражение в структуре Института этнографии АН СССР, который весь состоял из региональных секторов: Западной Европы, Кавказа, Средней Азии и т.п. Основные усилия работников института были направлены на создание грандиозной (18 книг) серии «Народы мира» (1954–1966): Когда к руководству Института этнографии пришел Ю.В. Бромлей, то он категорически провозгласил, что единственный объект этнографии – это народы. Других у нее нет. Тем самым он объявил несуществующими все разделы этнографической науки, кроме эмпирической этнографии, геоэтнографии, этноэтнологии и этносоциологии.

И хотя в последние годы у нас получили бурное развитие тесно связанные с геоэтнографией и этноэтнологией этносоциология и этнополитология, ни одного учебного пособия по трем последним дисциплинам не появилось, что крайне затрудняет подготовку специалистов.

Несмотря на то, что в дореволюционной России тоже господствовали эмпирическая этнография и геоэтнография, тем не менее наряду с ними получила развитие и примознология. Систематическое ее изложение мы находим в курсе лекций Н.Н. Харузина «Этнография» (Вып. 1–4. СПб., 1901–1905). В советское время эта традиция нашла свое продолжение в книге П.Ф. Преображенского «Курс этнологии» (М.; Л., 1929). И если говорить об учебниках, то это – все, ибо курс лекций Р.Ф. Итса «Введение в этнографию» (Л., 1974; 1991), не являясь геоэтнографическим, в то же время не содержал изложения ни примознологии, ни демознологии.

Это отнюдь не означает, что советские этнографы, начиная с 30-х годов, совсем не занимались примознологией. Достаточно назвать труды М.О. Косвена, С.П. Толстова, А.М. Золотарева, С.А. Токарева и ряда других ученых. Но как особая научная дисциплина она не признавалась. Примознологические работы шли под маркой истории первобытного общества.

К чести Ю.В. Бромлея нужно сказать, что теоретически отрицая примознологию, он практически поощрял ее развитие. При нем в Институте этнографии была создана группа по исследованию первобытности, которая затем была преобразована в сектор истории первобытного общества. Возглавил группу, а затем сектор А.И. Першиц. И хотя сектор всего был очень немногочисленным, он стал подлинным центром советской примознологии, а отчасти и демознологии. Сотрудниками сектора была подготовлена трехтомная «История первобытного общества» (М., 1983; 1986; 1988), созданы монографии по потестарной примознологии, экономической этнологии, по истории брака и семьи, по проблемам войны и мира в первобытном, предклассовом и раннеклассовом обществах, о первобытной периферии классовых обществ, выпущено множество сборников, написано большое число статей. К сожалению, в 1991 г. сектор был ликвидирован, что не могло не сказаться на дальнейшей судьбе нашей примознологии. Ею по существу почти совсем перестали заниматься. Вышедшие за последние годы работы по этой тематике, к сожалению, не отличаются высоким научным уровнем.

Несколько лучше обстоит сейчас дело с исторической этнографией, точнее, исторической примоетнологией. Если не разработкой теоретических проблем, то реконструкцией состояния и развития ушедших в прошлое предклассовых социоисторических организмов довольно много занимались и занимаются этнологи Северного Кавказа и Дагестана. Особо следует отметить работу В.Х. Кажарова «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века» (Нальчик, 1994). Целый ряд ценнейших работ создан учеными Махачкалы. Это прежде всего монографии Б.Г. Алиева «Кабо-Дарго в XVIII–XIX вв.» (Махачкала, 1972), М.А. Агларова «Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII – начале XIX вв.» (М., 1988), сборник «Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в.» (Махачкала, 1981).

В дореволюционной России высокого уровня достигла крестьянская этнология. Я уже говорил о выделении в ее рамках юридической этнографии (нормативной демоэтнологии). Отчасти в пределах нормативной этнологии, отчасти вне ее рамок получила развитие экономическая демоэтнология. Обычно как большой вклад в развитие крестьянской экономической антропологии рассматривается открытие в 1964 г. Дж. Скиннером «соляной» системы крестьянских рынков¹⁷. Но такая система была достаточно полно описана российским исследователем Ф. Щербиной еще в 1887 г., т.е. за 78 лет до Дж. Скиннера¹⁸.

Начиная с 30-х годов XX в. теоретический уровень исследования русского крестьянства падает. Работы по этой тематике все в большей степени приобретают эмпирический характер. Наши этнографы, работавших в этой области, часто отличало явно недостаточное знакомство с результатами исследований их зарубежных коллег¹⁹. Это незнание особенно ярко стало проявляться в последние годы. Дело доходит иногда до анекдота. Так, в статье одного из наших новейших, с позволения сказать, «исследователей» утверждается, что деревенская община в России была не чем иным, как «наиболее полной и последовательной формой выражения» православных религиозно-нравственных представлений²⁰. «Регулирование общиной земельных, хозяйственных вопросов, – продолжает автор, – основывалось на заповедях Христовых...»²¹. А далее мы узнаем, что и столь характерные для крестьянской общины «различные формы взаимопомощи сформировались и приобрели присущие им черты под воздействием православия»²².

В действительности община, мало чем отличающаяся от русской, существовала в крестьянском мире подавляющего большинства классовых обществ. И во всех этих общинах мы находим различные формы взаимопомощи, даже в деталях сходные с теми, что бытовали у русских крестьян. Они существовали у последователей самых различных религий: у «язычников», буддистов, конфуцианцев, синтоистов, мусульман, католиков. Это означает, что и крестьянская община, и отношения взаимной помощи возникли вовсе не в результате воздействия какой бы то ни было религии, включая, и православие. Конечно, автор может сказать, что он всего этого не знал. Но невежество – не аргумент, в науке тем более.

В настоящее время важнейшей задачей является создание серии учебных пособий по всем основным этнографическим (этнологическим) научным дисциплинам и субдисциплинам, в которых бы учитывались все достижения как отечественной, так и зарубежной науки. Нужны учебники по примоетнологии в целом и по отдельным ее разделам (экономической, потестарной, нормативной и т.п. этнологии), по демоэтнологии в целом и ее основным разделам, а также по этноэтнологии, этносоциологии и этнополитологии. Без этого невозможно противостоять потоку всевозможной халтуры, которая выступает под маской культурной и социальной антропологии.

Нужны работы по историографии этнографии в целом и историографии ее отдельных дисциплин. Нельзя не обратить внимания на то, что у нас не опубликовано ни одной работы, в которой излагалась бы история отечественной этнографии в период с 1917 г. по настоящее время. Что же касается предшествующей истории, то нельзя не отметить, что ценнейшая книга С.А. Токарева «История русской этно-

графии (дооктябрьский период)» (М., 1966) в значительной степени носит чисто описательный, а не аналитический характер.

К настоящему времени в области ряда общественных наук созданы прекрасные словари персоналий. В 1995 г. вышло второе издание «Библиографического словаря отечественных востоковедов» (М., кн. 1. 701 с.; кн. 2. 763 с.) и второе издание фундаментального справочного труда «Философы России XIX–XX столетий. Биографии. Идеи. Труды» (М., 750 с.). В области же этнографии издан лишь небольшой справочник «Кто есть кто в изучении народов и национальных проблем России» (М., 1995. 358 с.) и еще более краткий «Справочник этнографов и антропологов России. Выпуск I» (М., 1977. 36 с.) Это конечно, неплохо, но явно недостаточно. Необходимо создание подробного библиографического словаря отечественных этнографов.

Примечания

- ¹ Redfield R. The Folk Society // Amer. J. Sociol. 1947. V. 52. № 3.
- ² Подробнее см. об этом: Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 27–32, 47 и др.
- ³ См. там же. С. 31–32, 40–48.
- ⁴ Radcliffe-Brown A.R. Evolution, Social or Cultural? // Amer. Anthropol. 1947. V. 49. № 1.
- ⁵ Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. L., 1922.
- ⁶ О возникновении и истории этой дисциплины см.: Семенов Ю.И. Теоретические проблемы «экономической антропологии» // Этнологические исследования за рубежом. М., 1973; *его же*. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1–3. М., 1993.
- ⁷ African Political Systems / Ed. by M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. L. etc., 1940.
- ⁸ Naumann H. Grundzüge der deutschen Volkskunde. Leipzig, 1922.
- ⁹ См.: Redfield R. The Little Community. Chicago, 1955; *idem*. Peasant Society and Culture. Chicago, 1956; Wolf A.R. Peasants. Englewood Cliffs, 1966; Peasant Society. A Reader. Boston, 1967.
- ¹⁰ Village India. Studies in the Little Community / Ed. by McKim Marriott. Chicago, 1955.
- ¹¹ См. Лабриола А. Исторический материализм. Л., 1926; Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Избр. философские произведения. Т. 2. М., 1956; *его же*. Основные вопросы марксизма // Там же. Т. 3. М., 1956; Чесноков Д.И. Исторический материализм. М., 1964. С. 294–295 и др.
- ¹² См.: Февр Л. Бои за историю. М., 1991; Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
- ¹³ Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменений этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1922 и др.
- ¹⁴ Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography / Ed. by J. Clifford, G. Marcus. Berkeley, 1986.
- ¹⁵ Культуральная антропология. Учебное пособие / Под редакцией проф. Ю.Н. Емельянова и доц. Н.Г. Скворцова. СПб., 1996. С. 11.
- ¹⁶ Там же. С. 5.
- ¹⁷ Skinner G.W. Marketing and Social Structure in Rural China (Pt. II) // The J. Asian Stud. 1964. V. 24. № 1.
- ¹⁸ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 2. Вып. 2. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Составил Ф. Щербина. Воронеж, 1887.
- ¹⁹ Не учитываются даже работы и сборники, переведенные на русский язык: Шринивас М.Н. Запомнившаяся деревня. М., 1988; Фэй Сяотун. Китайская деревня глазами этнографа. М., 1989; Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
- ²⁰ Кузнецов С.В. Религиозно-нравственные основания русского крестьянского хозяйства // Православие и русская народная культура. Кн. 3. М., 1994. С. 238–239.
- ²¹ Там же. С. 239.
- ²² Там же. С. 253.

Yu.I. Semenov. Subject of ethnography (ethnology) and its principal scientific disciplines

In the article is considered evolution of ethnography (ethnology), in result of which inside this science originated of several independent disciplines: (1) primoethnology – the science, investigation living primitive sociohistorical organisms (on the West its has the name social anthropology), sections of which are economic, political, normative and etc ethnology), (2) demoethnology – science about a traditional peasant society, (3) geoethnography, or ethnogeography – systematic description of the peoples of the world, (4) ethnoethnology – science about ethnosis and ethnic processes, (5) ethnosociology and (6) ethnopolitology.